

Глеб Карпинский

Послушная незнакомка

Глеб Карпинский

Послушная незнакомка

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Послушная незнакомка / Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908761-4

«Послушная незнакомка» — это остросюжетная детективная история — драма замужней женщины, которая, устав от уз брака и безразличия близких, ведет тайную жизнь на просторах интернета. Она выставляет в Сеть свои интимные, провокационные снимки, создавая вокруг себя образ Послушной незнакомки. Своим поклонникам она обещает выполнить все их эротические желания, и однажды на ее пути встречается Повелитель. В книгу вошли еще два рассказа: «Детектив Абель» и «Возвращение в бездну».

ISBN 978-5-44-908761-4

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Послушная незнакомка	6
1. Незнакомка за столиком	6
2. Сержант Егоров	9
3. Минут пятнадцать, не больше	12
4. Если позволите, я все сделаю сама	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Послушная незнакомка

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-4490-8761-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Послушная незнакомка

1. Незнакомка за столиком

В одном из торговых центров столицы было многолюдно. После затяжной зимы в Москву пришли первые теплые выходные. Все стали заметней улыбаться, шутить, преобразовываться. Особенно это касалось наших дорогих женщин. В общем, чувствовалась настоящая весна, чем и воспользовались маркетологи, предложив населению различные акции и скидки. Все это вызвало ажиотаж, в бутиках наблюдалась толкучка, народ спешил сделать себе обновки, а затем, утомленный шопингом, поднимался этажом выше, в так называемый ресторанный дворик – сеть заведений быстрого питания. Уже к полудню к кассам выстроились очереди, а в основном зале было не пропихнуться.

За одним из столиков сидела семья из трех человек. Они только что взяли себе полный поднос фастфуда и приступили к трапезе. Мужчине и женщине было примерно под сорок, и их сыну, уж больно он был похож лицом на папу, около двенадцати. Мальчик был одет в тинейджерские шмотки с бейсболкой на голове. Я наблюдал за ним, пока он жадно разворачивал своими толстыми пальцами бумажную обертку, освобождая двойной гамбургер для поглощения. Тогда на его круглом лице появлялась самодовольная улыбка, он как будто наслаждался моментом созерцания, и запихивал себе в рот его с такой жадностью, что я даже боялся, что он может случайно укусить себе палец. Может, мальчику было и меньше, чем двенадцать лет. Сейчас дети быстро взрослеют. Меня больше интересовала его мать. На отца семейства я предпочитал не смотреть. Вид у него был равнодушный, измотанный, вялый. То ли больное сердце, то ли его утомила беготня по магазинам. Он также жевал гамбургер с кислой миной и хмурился. Под столиком стояли пакеты с покупками.

Его жена повернулась ко мне полубоком, почти спиной, как будто пренебрегая мной, хотя у нее был шанс сесть на другой стул. Но, тем не менее, она расположилась напротив мужа, который иногда поднимал голову и недовольно поглядывал на меня. Это не были признаки ревности, скорее, досада на то, что я просто сижу рядом.

Мне нравилось, как она одевается. На ней была легкая стильная курточка из мягкой, качественной кожи и плиссированная белая юбочка, очень короткая, едва закрывающая стройные ножки. Особую пикантность им придавали в мелкую клеточку чулки с подвязками (эти кружевные подвязки были очень хорошо видны) и черные поблескивающие сапожки на высоком каблуке. Сапожки эти она, очевидно, очень любила и, иногда, вытягивая вперед ножку, любовалась ими, поправляла на них бахрому и блестки. Ко всему этому драгоценному, и правда, хотелось припасть и потрогать, и женщина, чувствуя на себе взгляд посторонних мужчин, иногда позволяла себе некую шалость, такую как на закидывать ногу на ногу на публике. Стоит отметить, что в этом грациозном движении была какая-то магия очарования с признаками французского шарма. Видно было, что такая игра ей нравится, что она получает от этого ненавязчивого эсгибиционизма явное удовольствие и забавляется над нами, простыми зеваками. Женщина, словно, пыталась донести до всех: «Смотрите, какая я красивая, какая я хорошая, и, между прочим, я шалунишка еще та». К сожалению, я сидел за ее спиной и как бы был спасен от искушения заглянуть ей под юбку, но я точно знал, что она улыбается, и рисовал в своем воображении эту улыбку. И когда эта женщина слегка поворачивала свою милую головку так, чтобы я мог видеть ее красивый грациозный профиль с правильными чертами лица, ее пухленькие, чувственные губки, сверкающие под алым слоем губной помады, едва изгибались уголком рта. Я замирал, чувствуя легкое возбуждение, не без основания предпола-

гая, что такие губки в моменты близости с мужчинами, несомненно, знали много бесстыжих и полных самоотречения сцен. В том, что она изменяла мужу, я не сомневался ни капли.

Время проходило незаметно, и я, дабы совсем не заскучать, любовался ее шелковистыми каштановыми волосами, распущенными и немного тронутыми, судя по всему, уличным ветром. Они спадали ей на плечи аккуратным платочком, доходя до лопаток. Их цвет был натуральный, и едва заметная седина не портила их. Стриг мою незнакомку явно мужчина, возможно, влюбленный в нее. Его искусная рука чувствовалась в каждом положении пряди и завитушки. Казалось, он вложил в эту простую прическу все и сделал даже невозможное.

Женщина придерживалась диеты, хотя перед ней стоял стаканчик молочного коктейля с трубочкой. Я ожидал, что она вот-вот возьмет эту трубочку в свой чувственный ротик и будет, словно нехотя, посасывать ее, но незнакомка медлила, словно специально, дразнила меня. В ее тонких пальчиках с дорогим маникюром было современное коммуникативное устройство. То ли айфон, то ли еще что-то в этом роде. На широком удобном экране была открыта страничка Инстаграма, ее личная страничка. Тут я мог, воспользовавшись рассеянностью мужа, рассмотреть его жену получше. Но мне это не совсем удавалось. Она быстро пролистывала фотографии, в большинстве своем интимного содержания, пока не остановилась на той, где была изображена только ее прелестная ручка с ярко красным маникюром. На безымянном пальчике было тоненькое колечко с каким-то тусклым камушком. Сама женщина, очевидно, сидела в салоне машины, положив свою руку на кожаный руль BMW. Сейчас это колечко отсутствовало. Возможно, она скрывала его от мужа.

Мне нужно было взять еще пива, но я справедливо опасался, что мой столик займут. К тому же, мне было интересно, знает ли муж об этой страничке. Глядя, с какой апатией он проталкивал картошку фри в свой пищевод, скорее всего, нет. И я стал невольным свидетелем ее тайны. Несомненно, она получала удовольствие от того, что она делилась своими интимными снимками с посторонними, заигрывала с ними, провоцировала, и сейчас, в опасной близости от разоблачения на контрасте вымысла и реальности, эта женщина как будто в моих глазах возносилась вверх, становилась еще красивее и желаннее.

Заскучавшие члены семьи, наконец, справившись с пищей, тоже достали свои телефоны и стали что-то смотреть и тыкать лениво пальцами. Особенно меня расстраивал муж. Ну уж он мог бы заметить те перемены, которые происходили в моем присутствии с его супругой. Этот заговорщицкий вид, избегающий встреч взгляд и прилив адреналина, выражающийся покраснением щек и учащенным дыханием. Сейчас она явно играла с огнем, смело обнажая свою душу перед метателями камней, но, может быть, я тогда преувеличивал риск ее разоблачения. Ведь даже если бы муж мог заглянуть в ее дисплей, то навряд ли бы узнал в этих откровенных картинках свою спутницу жизни и мать своего ребенка. Незнакомка умело скрывала свое лицо удачными ракурсами, и те нескромные позы ее изгибающегося в желании тела в дорогом нижнем белье, все эти провокационные снимки не вызвали бы у знающего ее человека никаких подозрений.

Ее муж давно уже перестал быть чутким к желаниям своей женщины. Казалось бы, у него была работа, пусть не такая высокооплачиваемая, но достаточная, чтобы обеспечить потребности своей семьи в одежде и еде, была квартира, пусть небольшая, но с хорошим и качественным ремонтом, были знакомые, друзья, глупые и завистливые, но с ними можно было весело встретить Новый год... И все шло как по плану. Сын доучивался в школе, жена-домохозяйка, отпуск за границей раз в год... В наше время для сохранения брака важна стабильность. К тому же, он никогда не был тираном, всегда шел на поводу у своей супруги, уступая ее капризам. Видимо получилось так, что их некогда сильные чувства переросли в привычку, и супруги были нужны друг другу лишь для статуса, как визитные карточки своей состоятельности. Конечно, я мог тогда ошибаться, так как все это оценивал с первого взгляда и немного выпил пива, а настроение у меня было довольно игривое. Интересно, подумал я тогда, сколько у нее любовников

и насколько извращена она в постели с ними? Ведь когда к женщине охладевает ее любимый мужчина, она неизбежно, если, конечно, она не святая мученица, находит другого, и в большинстве случаев антипода любимому, изверга, мерзавца, подлеца, конченного эгоиста. Может, конечно, в ее случае, и никакой любви и не было вовсе. Я просто гадал на кофейной гуще.

Между тем, мне вдруг захотелось найти ее страничку в интернете, примкнуть к ее бесчисленной, в чем я не сомневался, армии поклонников, оставить какой-нибудь восторженный и полный чистой истины комплимент-комментарий, но как? Передо мной стояла сложная задача, и я вдохнул полную грудь воздуха и решительно выдохнул, прикидывая какие теги нужно использовать для поиска этой интересной мне во всех смыслах особы, и это веяние тронуло ее шелковистые волосы, и они заиграли переливным огнем. Она вдруг почувствовала меня и вздрогнула, и, кажется, сейчас уже не помню, заерзала на стульчике и, чтобы скрыть свое волнение, откинулась на спинку, поменяв ногу на ногу. Ее сын что-то сказал ей, не отрываясь от телефона, он играл в тетрис, и она лишь кивнула в ответ. Затем он грузно поднялся и, попросив у отца денег, пошел вразвалочку к кассам за новым подносом. Оставшись одни, супруги перебросились парочками фраз, отдаленно напоминающими диалог, что-то типа «Сегодня обещали дождь», «Да, дождь – это хорошо» или «Курить хочется», «Так сходи» и снова уткнулись в свои гаджеты. Через какое-то время муж все же поднялся и сказал ей:

– Пойду.

Она кивнула ему так же, как и сыну, и осталась в гордом одиночестве. Вот тут она и взяла свой молочный коктейль, чуть повернувшись ко мне в профиль, и стала осторожно посасывать трубочку. Пососав немного, при этом в коротких перерывах облизывая от наслаждения свои губки, она заметно улыбнулась, словно кому-то невидимому в зале, чувствуя на себе мой пытливый взгляд. Затем, отставив неторопливо коктейль в сторону, она поднесла айфон к своему лицу и всмотрелась в него, как в зеркальце, и только тогда в отражении дисплея наши глаза впервые встретились, и словно искра прожгла меня насквозь.

– *#Послушная_незнакомка*, – вымолвил я вслух, чтобы не забыть ее имя.

2. Сержант Егоров

Сержант Егоров много повидал на своем пути. Видел он и отрубленные пальцы, и разmozженные черепа, и сектантские выжженные на груди звезды. И если в самом начале пути, так сказать, по молодости он чуть ли не до дрожи во всем теле смаковал каждую деталь в преступлении, въедливо, словно клещ какой-то, разбираясь в истинных причинах и следствиях, то сейчас все это уже давно поднадоело ему. Он словно зачерствел на службе, как стодневная корка хлеба, и незаметно для себя стал циником, часто позволяя себе неуместные шуточки в «нормальном» обществе. Отчего это «нормальное» общество в лице проституток и мелких воришек вжималось в холодные прутья решетки, справедливо опасаясь, что он давно поехал с катушек. Для него же, как для истинного патриота своего Отечества, картина мира к его двадцати восьми годам выстроилась определенная. Во всем виновата Америка и, конечно, красивые бабы. И все притягивалось за уши к этой теории и гладко ложилось в нее, точно кости домино в жестяную коробку, не вызывая никаких вопросов у закрывающего на все глаза начальства.

На сержанта Егорова, конечно, жаловались, и жаловались обычно замордовавшие и лоснящиеся от переизбытка материальных ценностей адвокаты, но с ними у него разговор был короткий, точнее он вообще не говорил с ними, считая, что все эти либеральные замашки, завуалированный семитизм и заигрывания власти с демократией ведут к разрушению самой российской государственности.

«Власть должна быть жесткой и бескомпромиссной», – бил по столу сержант Егоров у себя в кабинете обычно под вечер, махнув лишнего.

Подпрыгивающие и валяющиеся друг на друга бесчисленные папки с висячими делами подтверждали правоту его слов. Сержант хмурился, заваленный ими, и хитро усмехался старенькому портрету Дзержинского, чудом сохранившемуся с «тех славных времен» даже после единственного капитального ремонта в 2011 году. Время, когда милицию переименовали в полицию.

«Америку со всеми Макдональдсами и Голливудом нужно давно сравнять к ядерной матери! – продолжал он убежденно и верно, точно на партийном собрании. – Нечего нашего человека совращать всякими там чизбургерами, неграми и гомосятиной... А бабам нашим, всем красивым бабам, страшные пусть дают, кому «хочут», надо запретить при людях жопой вилить, ну, как в Иране, и баста! – и снова раздавался беспощадный ко всем врагам Отечества удар по столу, который слышно было даже в отдаленных решетчатых коридорах, где томились задержанные. – Все преступления на этом кончатся. Вот тогда и вспомните сержанта Егорова, Вашу мать, да поздно будет! – Тут он ронял слезу, голос его дрожал. Сержант Егоров почему-то был убежден, что он плохо кончит на службе и на пенсию не рассчитывал.

– Вот ты, конечно, будешь смеяться, Феликс, но у них там в Иране тишь и гладь еще с семьдесят девятого года... Только террористов и наркоманов казнят, ну тут естественный отбор, так сказать, определенная погрешность в расчетах. Плюс опять козни нашей любимой Америшки, которая этих всех нехристей воспитывает...».

«Железный» Феликс под сантиметровым слоем пыли тоже, казалось, ухмыльнулся.

– Америка и бабы... И баста! – вывел вслух решительную мысль Егоров и двинул со всего размаха так, что если бы не бетонный пол, ножки стола загнулись бы, как гвозди в масло под самую шляпку.

Где-то в глубине коридора завывала в истерике задержанная им накануне женщина, требуя адвоката, но ее жалобные завывания совсем не тронули душу сержанта. Служба в полиции давно для него стало рутиной. Государство за эту рутину платило ему неплохое жалование, а также давало соцпакет, куда входила и медстраховка. По ней сержант Егоров раз в год обязан был проходить специалистов, включая психиатра. И каждый раз после полагающихся

для порядка колебаний консилиума он получал заветную справку «годен» и снова приступал к службе. Но этот криминальный случай поверг в шок даже бывалого сотрудника.

Немного пошатываясь, выдувая перед собой облако дыма, он вышел из кабинета и пошел по коридору. Все задержанные давно спали или делали вид, что спят, кроме «этой одной протестующей», как он ее сразу охарактеризовал.

– Успокойтесь, барышня! Успокойтесь... Не полнолуние чай... – сдвинул он брови, подойдя к решетке. – Подождите до утра немножко, а там у меня дежурство кончится, придет Фигеев. Вот он Вас и выпустит. Он у нас добрый, а я злой. Поняли?

Вполне приличная и хорошо одетая женщина с заплаканными глазами, тушь текла по ее щекам, как у переигрывающего сцену Пьеро на детском спектакле, вдруг вцепилась в прутья и гневно закричала:

– Ты не имеешь никакого права меня здесь задерживать!

– Имею, не имею, это, барышня, не ко мне вопросы! Начальство требует отчетов, надеясь определенными меня правами и обязанностями. Я могу задерживать любого на двадцать четыре часа, показавшегося мне подозрительным и даже пристрелить при задержании. А кто виноват? Америка виновата! Насмотрелась Ваша либерасня Голливуда со всеми его стрелялками и полицейским произволом. Вот результат. Пожинайте, что посеяли.

– Ну, я то тут причем? В чем меня обвиняют? – и женщина сама огляделась удивленно, поправив парусинную юбку. – Если ты принял меня за проститутку, так это твоя больная фантазия. Какая же я подозрительная?

– Ну, Вы мне сразу показались подозрительной. Согласитесь, в общественном месте поздно вечером в короткой юбочке да еще с острыми ножницами из кустов выбегаете да сразу на меня целоваться. А, между прочим, я хоть и охочий до женского пола, но не до такой же степени, приличия кое-какие имею.

– Я немедленно требую адвоката!

– Ага, сейчас в час ночи их толстые ж.. сюда приползут... Барышня, не будьте наивны.

– Я протестую! Тут вонь ужасная! И кровать с клопами!

– Бессмысленно все это, барышня, Вы ж не Золушкой на бал приехали? Уж дождитесь лучше Фигеева. Он у нас бывший танцор. С ним и полку сбаваете, если будет желание. Слава богу, возможности камеры позволяют, а я только кости могу переламывать.

И полицейский взял в замок свои пальцы и неприятно ими хрустнул.

– Умоляю тебя, Егоров, один звонок мужу... – не сдавалась задержанная и изобразила из себя пай-девочку.

Она даже улыбнулась сквозь слезы и с надеждой шмыгнула носом. Егоров тяжело вздохнул и развел руками, отгоняя от себя человечность. «Ничего поделать не могу. Мол, знаю все ваши фокусы».

– Кто виноват, барышня, что телефоны теряете? Конечно, сержант Егоров виноват. Кто же еще? Свой дать не могу, извините, служебный. Вот когда перезвонят, тогда и соединю. Но только боюсь, это будет при Фигееве. У него зарядка есть. Ведь телефончик-то мой тютю, кажись, и двух часов не протянет.

– Блин, у меня ребенок – школьник некормленный дома. А ему к ЕГЭ готовиться надо. Ты это понимаешь?

– Я, барышня, понимаю только, что задержал Вас поздно вечером, когда все послушные детишки должны баю-бай. И Вам рекомендую тоже баю-бай. Как говорят, утро вечера мудренее. Вот утром придет Фигеев, и поговорите с ним на счет организации питания всем нуждающимся.

Женщина стиснула от досады зубы и опять завывала, пытаясь разжалобить полицейского. Сержант лишь ухмыльнулся.

– Ну, хотя бы стакан горячего чая дай, – смирилась вдруг женщина, обнимая себя за голые плечи.

– Не положено!

– Я замерзла. У вас тут не топят.

Егоров спокойно затянулся сигаретой, что-то соображая.

– Да, не топят, и никогда не топили. Так сказать, на лицо старые привычки 1937 года. Но это не ко мне обращаться нужно, а к акционерам Газпрома, которые опоясали трубами всю Землю, от Порт-Артура аж до Лиссабона, забывая при этом о простом русском народе, томлящемся где-то в районе Лубянки. Могу угостить разве что сигареткой, барышня, так сказать, из чисто гуманных соображений. Конвенцию образца 1931 года об обращении с военнопленными пока никто не отменял.

– Ну, ты и сволочь, Егоров.

– Знаю.

– Ладно, давай сигаретку!

Он протянул через прутья решетки заплаканной женщине «Петр Первый» с большими предупреждающими буквами «Курение убивает!», и та выцарапала нервными пальцами одну из сигарет. В полумраке вспыхнула зажигалка Егорова, и послышалось его довольное:

– То-то...

Теперь он мог спокойно идти в свой кабинет и наслаждаться полными ностальгии философскими диспутами наедине с початой бутылкой водки и «железным» Феликсом. Не прощаясь, сержант развернулся, показав женщине свою равнодушную широкую спину.

– Бычок притушите потом, барышня, каблучком.

Но задержанная остановила его вдруг.

– Егоров, а Егоров?! У тебя жена есть? Знаю, что нет.

3. Минут пятнадцать, не больше

Был поздний вечер. В зарослях цветущей сирени пели соловьи. Их необыкновенное пение будоражило душу, настраивало на романтическое настроение. Небо было ясное, без облаков. Первые звезды только начали проклевываться на горизонте, и в их непостижимых сверкающих узорах угадывались знакомые созвездия. Я долго стоял у городского фонтана с букетом роз и ждал, когда начнут гаснуть огни нависших надо мной многоэтажек. Моя таинственная спутница обещала прийти сюда около одиннадцати и прогуляться со мной немного по скверу. Так она называла небольшой лиственный парк, расположившийся в самом сердце спальных кварталов.

– Минут пятнадцать, не больше, – выдвинула она главное условие нашей встречи. – Мы подышим свежим воздухом перед сном и заодно познакомимся поближе.

Что означало для меня «познакомиться поближе», я хорошо понимал, понимала и она. Уверен, она рассчитывала на мимолетное приключение без каких-либо обязательств. Мы обещали друг другу после этой встречи больше не общаться и забыть друг друга. Потом я планировал отправиться к друзьям на какой-то шабаш и требовать, так сказать, продолжения банкета, а она собиралась вернуться к мужу и сыну и снова принять на себя ненавистную маску жены и матери. Всех все устраивало.

Я посмотрел на часы. Был уже двенадцатый час, а моя пассия так и не приходила, но я не терял надежды, потому что знал, что такие женщины любят опаздывать на свидания. Прошло еще полчаса. Мои розы без живительной силы любви начинали заметно чахнуть, и я от скуки и нетерпения начал отмахиваться ими от мошкары и ночных мотыльков. В мыслях у меня возникал загадочный образ моей незнакомки и желание обладать ею становилось невыносимым. Я представлял, как мы любим друг друга в этой непросветной тени кустов, как она шепчет мне непристойности, кусая до боли мочку уха, и тихо постанывает под моими нежными ласками, как проходящие мимо люди, выгуливающие собак, заслышав подозрительный шорох во тьме, обходят нас стороной.

Незнакомка не приходила, и я, обескураженный долгим ее отсутствием, заметно загрустил и медленно двинулся к близстоящему дому, что-то посвистывая себе под нос. Мой телефон молчал, и я иногда перезагружал его, думая, что у меня неполадки со связью. Но все было тщетно! От нее не было никаких сообщений, ничего, никакого намека. Как будто меня разыграли. Потом я плюхнулся на лавочку у подъезда и сник головой. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя и обдумать дальнейшие планы.

Но в этот момент дверь подъезда распахнулась и мимо меня выбежала в слезах женщина, в которой я узнал вчерашнюю незнакомку. Она была чем-то сильно расстроена. Я даже вздрогнул от неожиданности. Это было похоже на порыв прохладного влажного ветра в сухую погоду. Так освежающе и легко подействовало на меня ее неожиданное появление. Я смотрел ей вслед, вслушивался в шорох ее развивающегося платья и не верил своим глазам. И какое чудо, что из тысячи подъездов, окружающих меня, я выбрал именно тот единственный, где она жила?!

Я вскочил, как разбуженный и еще не потерявший связь со сновидением, в каком-то тумане быстро пошел следом, боясь спугнуть ее, точно ночную птицу, а она практически летела над землей, тихо цокая каблучками по асфальтной крошке мимо каких-то детских площадок, припаркованных машин и мусорных баков. У меня закружилась голова. Едва различимый в тусклом свете фонарей образ незнакомки был так упоительно прекрасен и проникновенен, что я даже чувствовал каждую горькую слезинку, катившуюся по ее щеке, и тоже, казалось, плакал. Даже алые розы в моих руках оживились, воспрянули лепестками и листочками и потянулись к этому мимолетному явлению из облака влажных распущенных волос, парусной юбочки и свежего парфюма.

Нет, во мне не было больше похоти, неумной животности и какого-то ярко выраженного эгоизма. Весь этот сильный порыв от ее появления, казалось, сдул с меня всю пыль грехов и пороков, и я, все еще умывавшийся этими слезами откровения, чувствовал тихую радость и одновременно бездонное, переполнявшее мою душу сострадание к той, что спасала меня. Нечто похожее, наверно, почувствует верующий после многодневного поста и нещадных самоистязаний при виде на небе распятия, и я грешный чувствовал даже стыд за то беснование, которое было в моей душе прежде. Да, я хотел воспользоваться ее состоянием уставшей от брака женщины, которая в надежде найти любовь на стороне, ничего лучшего не видит, как отомстить мужу с первым встречным.

– Пойдите, пойдите, куда Вы? – окликнул я ее, встревоженный тем, что могу упустить ее из виду.

Незнакомка вздрогнула, словно подстреленная, и остановилась, как будто припоминая что-то. Затем она повернулась ко мне и улыбнулась мне сквозь слезы.

– Ах, это Вы...? – тихо прошептали ее губы. – Я думала, Вы меня уже и не дождетесь. Вы уж извините меня, что заставила Вас ждать. Я даже хотела Вам писать СМС, что все отменяется, но потом решила, что это будет не совсем правильно. Вы же не любите СМС-ки. Ну, что Вы стоите? Берите меня за руку, ведите в эту коварную темноту. Сейчас я послушная, падшая женщина, самая послушная на свете, прикажите сесть, я сяду, прикажите спеть, я запою, я вся в Вашей власти. Понимаете, понимаете? И это не шутка. Только у Вас не более пятнадцати минут. Вы на машине? Может, это лучше сделать в машине?

Я слушал ее шепот, как смертный приговор, не в силах сопротивляться и противоречить, и ощущал, как дрожь проходит по всему моему трепетавшему телу. Эта красивая гордая женщина признавалась сейчас мне в своей бесконечной послушности, но я все еще боролся с соблазном. Мое горячее сердце полюбило ее такую, какая она есть, точно сошедшую с распятия за все наши грехи и тянущую к нам свои милосердные руки. Я стыдливо молчал, не находя слов. Она вопросительно смотрела меня, искренно не понимая, почему я теряю драгоценное время, а этот завораживающий шепот, так естественно и непринужденно сорвавшийся с ее уст, казалось, все еще шумел ночной листвой в темноте, окрылял меня и одновременно лишал рассудка. Казалось, ее бледное лицо светилось во мгле, быть может, это светились слезы, но я уже не понимал, что происходит со мной, и еще чуть-чуть готов был даже припасть на колени и целовать носки ее сапогов, вымаливая прощение. Но я убоился, что такой поступок она может воспринять за дерзость и даже извращенность и потому не нашел ничего лучшего, как вручил ей эти алые, кровавые розы. Незнакомка осторожно взяла их, между нами повисла пауза, и я стал рассказывать, путаясь в словах, что приехал на метро и предпочитаю всему этому прогулку на природе. Она снова горько улыбнулась, поднесла цветы к своему напудренному носику и на какое-то мгновение задумалась. Слезинка еще была на ее бледной щеке, и я, наклонившись, нежно слизнул ее, чувствуя на свои губах соленый привкус ее душевной боли.

– Интересно, он сейчас смотрит за нами? – спросила она тихо, слегка отстраняясь.

– Конечно, он все видит, – кивнул я, думая, что в такие трогательные моменты нашей близости она решила заговорить о Боге.

– Если он смотрит, то это просто ужасно, ужасно, – заволновалась она. – Значит, все это зло, вся эта пошлость и мерзость, за которой он так равнодушно наблюдает, и на его совести. Он такой же соучастник, да, да и даже более преступник, чем мы с вами, – она вдруг посмотрела на меня с долей слабой надежды. – Давайте подождем еще пару минут здесь, может быть, он соизволит и спустится к нам, остановит это безумие?

– Да, о ком Вы? – испугался я вдруг.

Мне показалось, что она не в себе. Все-таки нервное напряжение, которое оно тщательно скрывала все эти годы за игривым взглядом послушной кокетки, не могло пройти бесследно.

Я помрачнел, к стыду испугавшись, но незнакомка вдруг весело засмеялась, будто все время разыгрывала меня, и я тоже улыбнулся в ответ.

– Я призналась мужу, что иду на свидание с Вами. Он не поверил и попросил, ну, нахал, заодно купить хлеба. Так что нужно еще сходить в хлебный магазин.

Она посмотрела с негодованием на окна дома, где горел свет, а потом махнула куда-то ввысь розами. Я замер в нерешительности, ожидая скандала. Мне, честно говоря, не хотелось встречаться с ее мужем, вся эта воздушная романтика могла закончиться банальным мордобоем или поножовщиной, но женщина, приняв тревогу на моем лице за разочарование, успокоила меня.

– Не волнуйтесь, те пятнадцать минут только Ваши.

Она сама взяла меня за руку, и мы пошли не спеша и молча по скверу. У нее была теплая приятная рука, и я заметил кольцо на ее пальце, то самое кольцо, которое она надевала, когда изменяла мужу. Это кольцо обладало для нее в такие моменты неким магическим оберегом. Эта женщина искренно верила, что, надевая его на безымянный палец, становится как бы неуязвимой для осуждения, защищенной от мук совести и всего того, что обычно бывает с человеком, который живет постоянным обманом близких ему людей. Это кольцо подарил ей пару лет назад ее первый любовник, с которым она вечерами, бывало, каталась на велосипеде. Любовнику было шестьдесят два года, он был уважаемый всеми профессор, с козлиной бородкой и курчавыми пейсами, женатый, ценящий в женщинах порядочность и верность. У него была больная ревматизмом жена, которую, по его заверению, он очень любил и все время отправлял лечиться по санаториям. Этот профессор носил очки с толстыми линзами, мог часами без усталости говорить о политике и науке. Вид у него был гордый, всезнающий. С Послушной Незнакомкой он также размышлял о каких-то мировых и сложных вещах, о которых она никогда прежде и не задумывалась. Но чаще всего он говорил о том, что удел женщины – это очаг и дети, что жена должна во всем слушаться мужа, любить его и прощать все его прегрешения.

– Мужчине простительна измена. По своей природе он охотник, самец, воин. Он всегда должен быть в форме, и ежедневные вечерние велосипедные прогулки с такой красивой женщиной, как Вы, только пойдут мне на пользу.

Как ни странно, но его жена одобряла увлечения мужа спортом. Однажды она даже позвала Послушную Незнакомку в гости попить чаю, так сказать, поговорить о наболевшем, женском. Профессор в это время уехал в Испанию на две недели в заслуженную командировку. В Испанию могла поехать и Послушная Незнакомка, но визу ей задержали. Во всем виновата была скупость профессора. Он не захотел платить лишних двадцать Евро за посредничество в оформлении визы в сжатые сроки.

Его жена была милая, пожилая женщина со страдальческим, каким-то мученическим взглядом своих больших серых глаз. У нее был сильно вытянутый, как у лошади, череп. Когда она слушала собеседника, то немного наклоняла голову вперед, и тогда у окружающих возникало невольное желание покормить ее кусочками сладкого сахара или печеньем.

– Вы тоже любите кататься на велосипеде? – спросила она Послушную Незнакомку.

Они сидели вдвоем на маленькой кухоньке и попивали чай с малиновым вареньем. Варенье было вкусное и полезное. Послушная Незнакомка осторожно забирала его с блюдечка маленькой серебряной чайной ложечкой и подносила к губам, медленно пробовала на вкус.

– Не то чтобы люблю, – честно отвечала она, шурясь от удовольствия, – но мне нравится беседовать с Сергеем Павловичем. Он очень интересный человек.

– Вы так думаете? – улыбалась хозяйка, наливая из фарфорового чайника еще одну чашечку чая, – А по мне Сергей Павлович просто невыносимый, ужасно скучный и заносчивый. О, какой он заносчивый! На днях он повез меня к врачу, и кто-то перед ним медленно ехал, так он сигнализировал ему и бранился, как сапожник. Я сидела тихо, и мне было стыдно. Ей

богу, я даже покраснела от стыда за Сергея Павловича. Я не знаю, что он творит в университете, но студенток он просто замучил, просто замучил. Он очень требовательный, строгий с ними, но и снисходителен. Чего-чего, а всегда дает им шанс исправиться. Некоторые даже домой к нам приходят заниматься. Я на это закрываю глаза. Даже в шутку как-то сказала. Смотри не попорти девок-то. А он осерчал: «да за кого ты меня принимаешь?. У меня, между прочим, простатит». Да, да, у него простатит. Он страдает, ох, знали бы Вы, как он страдает, душечка... И почки у него больные, и печень. Да кто любит о своих болезнях рассказывать? У меня у самой ревматизм. А то бы вам составила компанию. Вы знаете, когда я была маленькой, я тоже каталась на велосипеде, но только тогда велосипеды другие были, простые и надежные, а эти... Каждый раз после прогулки чинит, то шестерня какая-то отвалится, то колесо проколет, один раз пришел домой ночью. Я уже думала, что не придет. Все морги обзвонила, а милиция-полиция у нас с юмором. Ну, вы знаете нашего участкового Егорова. Мол, если бы был он ребенок, то это одно, а взрослый человек куда хочет может уйти. Может, в баре сидит и пьет или с любовницей развлекается. Да что Вы, окститесь! Говорю я им. Сергей Павлович с момента нашей свадьбы уж сорок лет не пьет. Ну, а если он и не ребенок по паспорту, то в душе точно мальчишка, да, да. Ну и какие в его годы любовницы, смешно даже, молодой человек, это у вас, может, любовница, а у него шестидесятилетняя жена и простатит...

В общем, с одобрения этой милой хорошо воспитанной женщины так и катались по городским скверам бородатый профессор, обычно в спортивном костюмчике и в натянутой на голову шапочке, и наша героиня с распущенными каштановыми волосами. Часто она обгоняла напарника на пару-тройку метров и так держалась всю дорогу. Сергей Павлович что-то бормотал ей вслед о серьезных вещах, при этом, не забывая посматривать на женские ягодицы в обтягивающих лосинах, ерзающих на седле. Все это заставляло профессора жать все сильнее и сильнее на педали, что собственно он и делал.

И когда все это произошло само собой, чтобы откупиться, или в знак благодарности, он подарил ей это колечко. Самое дешевое с хризолитом. Послушная Незнакомка приняла подарок на память и попрощалась. От этой минутной связи она не получила никакого удовольствия, разве что опыт, причем не сексуальный, а скорее моральный. Также с этим опытом пришло и убеждение в том, что любовников надо искать моложе и нескучных. Но и здесь наша героиня обожглась по неопытности.

Молодой человек, с которым она познакомилась через родственников мужа, оказался неплох в постели, но совсем инфантилен. Максик, как звали его все, часто был обидчив, плаксив и главное, ненадежен. Он заставил ее ревновать к его сверстникам, часто упрекал ее за то, что она его совратила, хотя, скорее, было все наоборот. И как следствие всех этих выяснений, начинался период страданий, терзаний, каких-то душевных шатаний. Послушная Незнакомка мучилась, осознавая, что вместо мужественного любовника приобрела себе еще второго сыночка. Она даже дарила ему игрушки, одевала, как хотела, кормила в кафе и ресторанах. И между тем, она в какой-то момент даже хотела наложить на себя руки, но в последний момент передумала. Она прощала ему все, при долгих разлуках бросалась ему в ноги и умоляла не оставлять ее. Все это повторялось и повторялось, пока естественно не вылилось в какое-то нездоровое чувство и, в конце концов, молодого человека забрали в армию, а она месяца два лечилась антибиотиками у венеролога.

Потом появился Инстаграм. Кто-то так и назвал ее в интернете Послушной Незнакомкой, что соответствовало ее настроению. Для всех мужчин она хотела быть и таинственной и одновременно послушной. Она довольно ловко вошла в эту роль, притворялась, играла и шалила. Ее фотографии, часто эротического и провокационного содержания, производили фурор в интернете. Популярность росла, как на дрожжах. Мужчины и даже женщины писали ей восторженные комментарии, соблазняли большими деньгами и предлагали встречи. По началу она не хотела никаких приключений. Может быть, она надеялась, что Максик вернется к ней

после армии, возмужавший и поумневший, и она сможет удержать его, ну а пока можно было и безобидно развлечься, выкладывая в сеть свои интимные фотографии... К тому же, она собиралась подавать на развод и даже советовалась с адвокатом по этому вопросу. Муж по-прежнему не замечал перемены в ней, да, и она уже старалась не показывать виду. Она даже стала побаиваться, что муж все вычислит и зайдет на секретную страничку. По этому поводу у нее даже началась паранойя. Ей казалось, что он уже догадался и просто делает вид, что ничего не происходит. Что ему не выгодно терять ее, что даже если он и узнает, то постарается не заметить это. Бывало, она пыталась вывести его на чистую воду, намекала ему о своих похождениях, но муж молчал, как рыба, и был слеп, как крот.

– Где ты научилась всему этому? – вяло поинтересовался он, уткнувшись в телевизор.

Он сидел на диване и смотрел по телевизору футбол. Послушная Незнакомка только что застегнула ему ширинку на брюках и поднялась с колен. Она искренно не понимала, что можно найти интересного в этом виде спорта, когда два десятка взрослых мужиков бегают по полю и гоняют мяч. И еще другие за этим наблюдают и орут и кричат, как ненормальные, радуясь и огорчаясь, когда мяч пересекает заветную линию. Послушной Незнакомке еще был понятен театр или велосипедный тур, но чтобы футбол... Все это как-то расстраивало ее. Она еще раз бросила взгляд на мужа. Перед ним на журнальном столике стояла бутылка вина и два бокала.

«Какой он жалкий и глупый, – подумала Послушная Незнакомка. – Я ему только что сделала это, а он продолжает смотреть матч и пьет вино, как ни в чем не бывало».

– Так где ты научилась всему этому? – все же повторил он вопрос, протягивая ей налитый бокал и почти не отрываясь от футбола.

– Научилась чему? – передразнила она его, присев рядом.

Она почувствовала вдруг отвращение и какую-то гадкую брезгливость находиться рядом с мужем, дышать одним с ним воздухом, растить одного общего сына. Все вдруг показалось ей мерзким до невозможности, и даже его липкое семя во рту вызвало тошнотворный рефлекс, и она поспешила запить неприятный вкус хороший вином.

– Ну... это... – муж медлил с ответом, напряженно следя за игрой. – Нет, ну ты посмотри, что творят!

– Тебе что, не нравится? – намеренно обозлилась она. – Научили.

Жена очень надеялась, что неведомая прежде мужу ее раскрепощенная дерзость приведет их обоих к долгожданному объяснению, он проговорится и скажет, что знает о ней больше, чем следует. Тогда она тоже откроет ему все свои карты, и они решат, что им дальше делать. Жить во лжи становилось невыносимо для нее. Она не знала, как растормошить его, встряхнуть, чтобы он хоть на минутку задумался и понял, как она страдает. Но муж смотрел футбол. В конце концов, их общему сыну уже двенадцать лет, и к этому еще двадцать лет скучнейшего брака. Да, он был не против разнообразить сексуальную жизнь с нею, тем более там и так все было отлично. Кажется, она быстрее стала получать оргазм в постели, и он это уже ставил себе в заслугу.

«Главное, чтобы без фанатизма, – думал он про себя, – да, и взрослый сын в соседней комнате. Да даже не в этом дело. Я заслужил право на отдых, я пришел с работы, поел и вот футбол и бутылка вина. Об этом было обговорено еще, кажется, за недели две, что так будет. Ну, хорошо, если ей хочется делать это, пусть делает. Мне то что? Я никогда ей не возражал. Сейчас говорит, что йогой решила заниматься, да пусть занимается, хоть из лука стреляет, а сколько нижнего белья накупила, целый шкаф забила, а, между прочим, это немалые деньги, я себе одни трусы раз в год меняю, а еще новая прическа, кажется. Или нет?».

Муж бросил беглый взгляд на жену и осушил бокал.

«Да как же я забыл, на днях она заходила в салон красоты... Или это было в прошлом месяце?»

– Смотри свой футбол, чего ты на меня так смотришь? – спросила она и отдала мужу свой недопитый бокал.

Он принял его, не глядя, и выпил залпом. У него чего-то начинало покалывать сердце и болеть голова. Поэтому он удобно уселся на диване и поправил за спиной маленькую подушечку.

– Хорошая жена та, которая оставляет мужу дотопить ее бокал вина, – решил поостроумничать он.

Она злобно улыбнулась.

– Я просто не хочу напиваться. У меня сейчас свидание во дворе.

– Ну-ну... – не поверил муж. – Ты, наверно, опять решила прокатиться на велосипеде с этим бармалеем?

– Что ты! Сергей Павлович в прошлом, к тому же, он не в моем вкусе. Может быть, ты помнишь, того странного типа, который сидел за соседним столиком, когда мы были в торговом центре?

– Больно мне надо следить за всеми кобелями, вертящимися у твоей юбки... – ухмыльнулся муж и вдруг вжался в диван.

В телевизоре взвыли трибуны болельщиков. Комментатор что-то комментировал несуразное. Она ничего не понимала, почему люди ликуют.

– Между прочим, тот тип, который продал нам бутылку, был вовсе не тип, а женщина. Ты совсем заврался, милый, и перестал замечать, что вокруг происходит. Для тебя работа прежде всего. Вот уже десять лет, кажется, ты ждешь повышения, и рад, как полоумный безумец, что тебя не уволили в прошлый месяц за прогул.

– Помилуй, но на работе возникло ЧП, прорвало трубы, нужно было срочно спасать товар, и шеф приказал всем явиться. Это нормальное явление. А я, между прочим, физически не мог. Ты сама знаешь почему. Как ему было объяснить мое отсутствие? То, что жена не пускает из дома?

– Ты мог перелезть через балкон к соседям, в конце концов, применить убеждения или даже силу, чтобы отобрать у меня ключи.

– Ну да, ну да... Убеждения... Тебя убедишь... Это уж точно. Ай, черт! Что творят!

И муж опять вжался в диван и схватился за голову. С экрана телевизора снова послышался вой разгоряченных трибун, переходящий в протяжное и радостное «Гооолл!!!».

– Мне ужасно душно тут, – вдруг повысила голос жена. – Понимаешь? Да и не хорошо заставлять себя ждать.

– Ну-ну... Еще скажи, что он ждет тебя сейчас у подъезда, – усмехнулся муж, напряженно наблюдая за контратакой своей команды.

– А ты посмотри в окно.

– Буду я еще в окно смотреть... Важная птица. Ты бы его домой к нам пригласила что ли... Надо как-нибудь уже встретиться на Эльбе, а то неприлично даже становится.

– Зря ты иронизируешь, милый. Вот возьми и приглашу. Да только ты психанешь, наверно.

– И чего это я психану?

– А я думаю, психанешь.

Жена поднялась с дивана, подошла к зеркалу и стала наносить макияж, вглядываясь в свое отражение.

– Ну и чем Вы там займетесь? – проговаривал про себя муж.

Жена взяла в руки губную помаду и поднесла к губам.

– Не знаю, – сказала честно она, – я обещала ему, что выполню все его желания. Что мне скажет, то я и сделаю. Вот так.

– И с какой радости ты стала золотой рыбкой? – спросил муж, наливая себе вина из бутылки.

Сейчас он убедил себя окончательно, что жена специально пытается вызвать в нем приступ ревности и посмеивался про себя. В груди опять кольнуло. На этот раз боль была долгая и ноющая. Мужчина потянулся за бокалом в надежде, что это поможет.

– Адъёс, – поцеловала его в лоб супруга. – Вернусь через пятнадцать минут, не скучай.

Он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи.

– Только пятнадцать минут, не более! – перекричал он телевизор. – Заодно хлеба купи.

– Тсс, сын спит! У него завтра контрольная, – приложила указательный палец к губам жена.

Она наклонилась, чтобы надеть сапоги. Молния заедала, но все же потом поддалась.

4. Если позволите, я все сделаю сама

Ее практически трясло от злости и той самодовольной иронии, которую излучал ее муж. Слезы наворачивались на глаза, когда она царапала дверцы лифта, торопя их открыться, чтобы выскочить в объятия неизвестности. Ей было все равно, что будет вытворять с ней этот мужчина. Она готова была удовлетворить его похоть без колебаний и угрызений совести. Ей вообще не хотелось возвращаться домой. Дом как будто перестал существовать для нее в этот миг. Он не был больше ее крепостью, ее убежищем, где она могла чувствовать себя в безопасности. Ее трясло от мужа, от его прикосновений и объятий, от того, чем она с ним только что занималась. Теперь в ее доме жили чужие люди, и даже сын, казалось бы, ее родной мальчик, был ненавистен ей только потому, что был похож на мужа. Такой же безразличный, такой же прожорливый и упрямый. Муж, муж, муж, она вдруг захотела убить его, но не просто лишить его жизни, а чтобы он помучился перед этим, чтобы осознал всю степень своего преступления по отношению к ней. Именно он, как она считала, был виновником ее падения, именно он бросил ее в бездну разврата, жестоко унизил и оскорбил ее женскую натуру.

«Хлеба захотел! Ишь ты! Ну, ничего, будет тебе и хлеб, и масло! – выговорила она сквозь зубы. – Уж лучше бы он ревновал, уж лучше бы он бросился за ней следом. Нет, лежит на диване и посмеивается. А, между прочим, сейчас почти ночь, и мало ли что может произойти».

Выбежав из лифта и спускаясь по лестнице, стуча громко каблуками, Послушная Незнакомка на ходу надела заветное кольцо на палец. Теперь она была неуязвима и невидима. Никто не имел права упрекать ее.

– Господи, Господи, спаси и сохрани! – шептали ее губы, а сердце болезненно и тоскливо билось в груди.

Выскочив из подъезда, она не сразу заметила сидящего на лавке мужчину. Потом, когда он окликнул ее и их глаза встретились, она про себя назвала его Повелителем. Впрочем, она называла так всех своих любовников из интернета, с которыми она решалась встречаться для измены мужу в последнее время.

Пожалуй, этот был немного странный, уж слишком ранимый и какой-то правильный. Далеко не красавец, но вполне симпатичный для одного вечера, с восторженным слезным взглядом, да еще в каком-то черном китайском френче. Когда он поднялся, то оказался высок ростом и при этом немного сутулился. Взгляд у него был добрый, располагающий, глаза смотрели прямо, проникая в душу. От этого пытливого взгляда ничего не могло ускользнуть. Кажется, он видел ее всю насквозь и много понимал. Такому человеку не нужно было признаваться и даже каяться, он не должен был обидеть, обмануть.

– Ах, это Вы...? – устало обрадовалась она.

При нем, как и в торговом центре, была старомодная шляпа, удивительным образом замечательно подходившая к его странному китайскому френчу с блестящими пуговицами. Послушная Незнакомка сразу заметила, что Повелитель нигде и ни при каких обстоятельствах не снимает свой головной убор и лишь в первые моменты приветствия почтительно сдвигает эту примятую шляпу себе на лоб. Ботинки у него тоже блестели, казалось, в любую погоду были чистые и ухоженные. К ним не приставала никакая грязь, даже когда он шел по лужам. В глазах мирно созерцающей его женщины на протяжении всей прогулки он оставался каким-то утонченным эстетом, умным, образцовым, благородных редких кровей, разве что немного придавленный жизнью. Она замечала, как он немного прихрамывает на левую ногу, и признавалась себе, что для полноты картины ему не хватало трости с каким-нибудь художественным резным набалдашником.

– Старые раны, – словно извинился он перед ней. – Упал с большой высоты. В одной израильской клинике берутся восстановить сустав, но я пока не решаюсь.

Еще у него была одна примечательная деталь, о которой Послушная Незнакомка все время думала. Мужчина носил свободные брюки, и там, на причинном месте, у него явно что-то болталось тяжелое и неприлично выпячивало. Одних женщин это несомненно смущало и даже пугало, другие находили это забавным, но были и такие, которые в преступном любопытстве своем даже хотели проверить, что же все-таки он там прячет и как это работает. В любом случае держался он с женщинами уверенно, достойно, давал им высказаться и никогда не дерзил. Повелитель был высок ростом и немного полноват, гладко брил лицо, а во всех его движениях угадывалась медлительная, скорее врожденная грациозность, что входило в противоречие с его старомодной выцветшей шляпой.

Они шли за руку по дорожке сквера подальше от света домов и уличных фонарей. Она прижимала к груди эти красные розы, чтобы ночной сквозняк не смог повредить их, и сама тянула его куда-то вперед, а он как будто останавливал ее, совсем никуда не спешил, хотя знал, что сильно ограничен по времени.

– Какая чудесная ночь, – вздохнул он печально, сжимая ее руку. – Я никогда тебя не забуду!

В глазах его заиграла какая-то сумасшедшая искорка. Сквер ему понравился. Под кронами деревьев все затихало, все терялось... Вдоль аллеи, по которой шли Повелитель и Послушная Незнакомка, росли раскидистые липы. Воздух был прохладен и свеж. Пахло сиренью, скошенной травой, влажным туманом. Иногда навстречу им попадались припозднившиеся собачники. Их чада были на коротких поводках, в мигающих в темноте ошейниках, вдоволь нагулявшиеся, умиротворенные, плетущиеся с высунутым языком к своей домашней похлебке. Но почему-то многие из них проявляли агрессию к Повелителю. При встрече они начинали рычать, щетиниться, пытались наброситься на него и даже укусить. Их хозяева ничего не понимали и извинялись, едва сдерживая своих спятивших питомцев.

– Почему Вас так не любят собаки? – улыбнулась Послушная Незнакомка, показывая на болонку, исходящую пеной от ярости. – Даже этой милашке, кажется, Вы далеко не безразличны.

– О, я давно замечал за ними такое отношение... – ответил Повелитель, когда они миновали опасность. – Думаю, это от одиночества.

– От одиночества? – переспросила его спутница и наивно хлопнула ресницами.

– Да, я очень одинок по жизни. В сущности, я никому не доверяю, увы... А одиночество, как известно, делает из человека зверя. Вот собаки и реагируют.

– Давайте тогда свернем с аллеи, – предложила женщина. – Я не хочу, чтобы моего Повелителя загрызла у меня на глазах какая-то бешеная Жучка.

Они, и вправду, свернули с аллеи и стали пробираться чуть ли не на ощупь, куда-то в темноту, откидывая от себя ветки кустов и деревьев.

– Через тернии к звездам, – ухмыльнулся Повелитель, придерживая одной рукой шляпу.

Скоро парочка вышла к невысокой из красного кирпича кладке. Это был монумент, сохранившийся с советских времен, в виде ракеты, как бы вылетающей из чаши бассейна. Алюминиевые листы, судя по всему, украли охотники за цветметом, и сейчас от нее остался лишь ржавый металлический остов. В лунном сиянии он напоминал очертании Эйфелевой башни. Вода стояла в чаше где-то наполовину. Пахло тиной. Послушная Незнакомка даже видела однажды, как мальчишки тут сидели с удочками и что-то ловили. Власти давно обещали жителям района навести порядок, но дело так и не трогалось с мертвой точки, а пока тут квакали лягушки и плавали утки.

У этого остова Повелитель вдруг обнял Незнакомку и поцеловал. Она не сопротивлялась, давно ждала этого и, обхватив мужчину за плечи, трогая его лицо, закрыла глаза. Он был выше

ее, и она, словно повиснув на нем, для удобства согнула ножку в колено и элегантно приподняла ее назад каблучком вверх.

– Так Вы и, правда, послушная? – спросил он, расстегивая несколько верхних пуговиц на своем френче.

Послушная Незнакомка понимающе улыбнулась. У нее у самой на всякий случай в сумочке были презервативы. Ей показалось, что Повелитель замешкался, и она прижалась к нему вплотную, чтобы успокоить.

– Если, позволите, я все сделаю сама.

Сейчас она готова была отдаться этому человеку, и ей хотелось немного проникнуться к нему, словно, полюбить на минуту, почувствовать его доброе сердце. В какой-то степени он ей нравился, как мужчина. Не грубый, аккуратный, с какой-то долей почтения и спокойствия. Спокойствия ей явно не хватало, в глубине души она волновалась, переживала, иногда озираясь по сторонам, боясь, что кто-нибудь заметит их. И хотя здесь у пруда было темно, но свет от фонарей все равно просачивался сквозь крону деревьев, и их силуэты могли быть заметны с дороги. Послушная Незнакомка была на две головы ниже. Она смотрела на Повелителя взглядом полной смиренности и даже испуга, как смотрит на грозное черное небо застигнутый в поле путник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.